

МОЛОДЫМ У НАС ДОРОГА

К ИТОГАМ 1 СЛЕТА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ТУЛЬСКОГО КРАЯ

26 июня 2010 года в Доме творчества состоялся 1 слет молодых поэтов Тульского края. В его работе приняли участие молодые поэты из разных уголков Тульской области, члены Союза писателей России, представители «Литературной газеты». Мероприятие было посвящено 50-летию Тульской областной писательской организации Союза писателей России. Проходило под эгидой Союза писателей, журнала «Приокские зори», газеты «Тульский литератор», отдела культуры администрации Тульской области, при поддержке депутата Государственной Думы РФ А. В. Коржакова. По материалам слета был издан сборник стихов молодых поэтов, трое из них были рекомендованы к вступлению в члены Союза писателей России, все участники были награждены дипломами лауреатов 1—2 степени, подарками. Почетным председателем форума был патриарх Тульской поэзии, ответственный секретарь Тульского областного отделения СП России В. Ф. Пахомов, его заместителем был председатель Тульского областного литературного фонда, известнейший писатель В. Я. Маслов. «Первый блин» не оказался комом. Мероприятие прошло в обстановке живого и откровенного обсуждения произведений молодых поэтов. Оргкомитет благодарит известного тульского фотохудожника Ярослава Стечкина за представленный фотоотчет о слете.

Председатель оргкомитета 1 Слета молодых поэтов Тульского края, член СП России, профессор Владимир Сапожников.

Организаторы 1 Слета молодых поэтов Тульского края (справа налево) — В. Я. Маслов, В. Ф. Пахомов, В. Г. Сапожников

Изоolda Агибалова
(г. Тула)

ПОДАРИ МНЕ СЕБЯ

Подари мне себя просто так, невзначай,
Улыбаясь, спроси: «Можно в гости на чай?»
Я небрежно кивну: «Заходи как-нибудь»,
Дверь открою тебе, не смущаясь ничуть.

«Как же так? — ты подумаешь. —
Ей все равно,
Ожидая меня, не смотрела в окно,
А в глазах нет любви и дыханье легко,
Видно, мысли ее далеко-далеко!»

Ты не знаешь, что ночью бессонной пишу
Все стихи для тебя и у Бога прошу:
Пусть пошлет мне любовь,
чтоб забылась печаль,
Пусть подарит тебя просто так, невзначай.

НЕ ИЩИ МЕНЯ, НЕ НАДО

Не ищи меня, не надо
Ни в шуршаньи листопада,
Ни в морозах и метелях,
Ни весной в ручьях, капелях.

Я растаю в небе синем,
В ярком солнца апельсине.
Пролечу я легкой тучкой,
Помашу тебе я ручкой;

Удивленно ты ответишь,
Что один ты — вдруг заметишь.
Лишь вчера была я рядом,
Но ушла. Искать не надо!

УЛЕТЕЛА ЛЮБОВЬ

Камнем давят тоскливые ночи
И туманно-осенние дни.
Почему-то смириться не хочет
Сердце с тем, что живу без любви.

Не ждала — а она прилетела
И, накинув ажурную сеть,
Увлекла так легко и умело
Ближе к солнцу, чтоб ярче гореть.

Я поверила и примеряла
Крылья белые, чтобы летать;
— Осторожно! — мне жизнь прошептала,—
Может, стоит еще поискать?

А любовь улыбнулась небрежно,
Сеть, распутав, пропала вдали,
И оставила в памяти нежность
И мечту, что мы не сберегли.

Участники активно обсуждали свои работы

Людмила Гайдукова
(г. Алексин)

ТАРУССКИЕ МОТИВЫ

Заплету в узор я травы,
Да в цветную перевить.
Эх, орешники-дубравы,
Как вас сердцу не любить?

Катит медленные воды
Мила-любущка Ока.
Катера да пароходы,
Берега да облака.

Лепет родника наивный...
Чу, к заутрене звонят!
И задумчивой Марины
Вечный, негасимый взгляд.

Вьется лесом тропка-стежка,
Покидая светлый край,
Но тарусскую матрешку
Не забудешь, не мечтай!

Президиум внимательно слушает выступление московского коллеги

Ольга Гриценко
(г. Тула)

* * *

Не надо тосковать о прошлом! —
Оно ушло, как снег весной;
Не нам в сомненье суматошном
Его звать следом за собой.
Не нам по юности беспечной,
В своей отваге бесконечной,
Спешить ушедший день вернуть,
Боясь за горизонт взглянуть.
Нам надо думать о рассвете,
В своей руке огонь нести
И жизни летопись вести
Подобно пущенной ракете:
Секунда каждая важна,
И лишь удача нам нужна.

Но помнить прошлого преданья,
Как предков помним, мы должны:
Ошибки, песни и сказанья
Ушедших лет еще важны.
Не тронет гордость молодую,

Как ветви тень траву живую,
Их мудрый ласковый совет,
Их жизни праведной завет.

Но, как траву тень укрывает,
Чтоб солнце жаркое не жгло,
Чтоб тело хрупкое росло,
Нам мудрость предков помогает.

И мы однажды, уходя,
Оставим тень после себя.

Музыкальное приветствие участникам слета

Валерий Ибатулин
(г. Тула)

НА РАСПУТЬЕ

Здравствуй, Русская деревня —
Песня вольности людской!
В Родниках твоих издревле
Есть отрада и покой,
И земное притяженье,
И родимый отчий дом,
И под утро птичье пенье
В небе светло-голубом,
И сердец гостеприимство
С хлебом-солью на столе...
Так откуда ж лихоимство
Расплодилось на селе?

Уж пришла беда-забава
Во хмелю, хоть вырви-глаз,
И пустилась по ухабам
Под чужую дудку в пляс,
Разгулявшаяся вволю,
Безутешная душа;
А по снежному раздолю
Вкривь, неведомо куда
Полетела Русь на тройке
Разубранной на своей.
И лететь бы Ей. На сколько
Хватит взмыленных коней?
Не найдется ли такого,
Чья бунтарская рука
Обезумевшего, злого
Опрокинет ямщика.
Не тогда ли жизнь вернется
В те заброшенны края
И прозреет, и очнется
РУСЬ Крестьянская моя!

Самый юный участник слета был в сопровождении мамы

Светлана Князева
(г. Тула)

ЛЮБОВЬ В КАЖДЫЙ ДОМ

Пусть любовь в каждый дом непременно заглянет сегодня,
И подарит всем радость и счастье, поднимет в полет!
Закружит в облаках! Морем чувств превосходных,

Непременно одарит всех тех, кто давно уже ждет!
Души наши очистятся трепетным светом,
И любовь свой целебный бальзам, наконец-то прольет.
И заполнится город и красочным станет вдруг небо,
От воздушных шаров, что закрыли собой небосвод!

ЖИЛА, А МОЖЕТ БЫТЬ СПАЛА...

Жила, а может быть спала.
Во сне ходила на работу.
Но где-то в глубине ждала,
Что вдруг ее разбудит кто-то.
И вот, Душа и сердце вмиг,
Слились в какой-то шар единый.
В груди как будто спрятан крик.
Для окружающих незримый.
Так хочется о счастье петь,
И вслух читать стихотворения.
И прямо в космос улететь,
Назло земному тяготению.
Потом вернуться враз назад,
И над землей летать по кругу.
И светом сказочным в глазах,
Все рассказать безмолвно другу.
Он все единственный поймет,
Ему и намекать не надо.
Танцует сердце и поет!
А просто Ты сегодня Рядом.

Наталья Кожемяко
(г. Щекино)

* * *

Я полюбила осень вдруг
С ее дождливым, хмурым утром,
Где первый иней перламутром
Посеребрил траву вокруг.
Я полюбила осень вдруг:
Опавших листьев бархат шумный,
Разгул ветров почти безумный,
Узорный желто-серый луг...
И полюбила я дожди:
Их стук в окно в осенний вечер,
И обещание скорой встречи,
И счастье где-то впереди...

* * *

На селе у дороги
Ночевала зима.
Застелила пороги

Все коврами сама.
И забор побелила
Весь — доску за доской,
На окошках слепила
Нам узор хохломской.
Серебро, самоцветы
Раскидала кругом,
И по-царски одеты
И деревья, и дом.
На парче серебристой —
На рубине рубин:
Ярко-красные кисти
Придорожных рябин.
Изумрудные елки
Полила серебром.
Бриллиантов осколки —
Над январским двором.
Звонкой речки-девчушки
Шелк лазурных волос
Серебристою стружкой
Разукрасил мороз.
На селе у дороги
Ночевала зима...
Были серы, убоги
Накануне дома.
А наутро в роскошный
Нарядились убор
Все дома, все дорожки,
И за речкою бор.

Некоторые участники напевали свои стихи

Николай Мамонов
(г. Тула)

СОБАЧЬЯ ПРЕДАННОСТЬ

Темная ночь. У большого креста
Свежей, вчерашней могилы
Виделся образ лежащего пса,
Пса без надежды и силы...

В слегшейся шерсти комки мокрой глины,
Морда уныло на лапах лежит,
В тусклых глазах только скорбь и погибель,
Да только большая слезинка блестит.

Смотрит он, бедный, как-будто и в даль,
Но ничего там, в дали, он не видит.
В мокрых глазах вековая печаль,
Траур и горе, и горечь обиды.

Нет для него ни надежды, ни счастья —
Смерти проклятой стоит грозный ряд.
Жизни трагедия, воли ненастье —
Умер хозяин три дня уж назад.

Умер... А утром ни визгом, ни лаской
Знать о себе пес тогда не давал,
А горько скулил он с какой то опаской
И подле хозяина жалко лежал...

И вой так тосклив, что и слышать нет силы:
Все плакал, и больно так было в тот миг.
Земля засыпала безмолвно могилу...
И тут перед холмиком вой вдруг затих.

Затих, не проснется, уже не возникнет,
Не станет скулить пес и глаз не сомкнет.
Он вспомнит хозяина, образ окликнет,
И тут на холме он безмолвно умрет.

Он вспомнит те ласки и игры, забавы;
Он все это вспомнит как образ родной.
И жаль, что глаза пса никто не закроет
Надежной и доброй хозяйской рукой...

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Как порою не хватает нам весны,
Чтобы в комнату вновь солнце ворвалось,
Осветив собою уголки души,

Те, в которых недоверье улеглось.
Как порою не хватает нам друзей,
Что поддержат в самый трудный в жизни час,
Тех, что дружбой крепкой, верно своей
В миг последний из беды спасали нас.

Как порою не хватает нам любви,
Той, что ищем мы почти всю нашу жизнь.
Без нее совсем другими стали мы,
А найдя, как-будто снова родились.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Русская деревня — боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоногом детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня, словно в поле зимнем,
Запустеньем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенок малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.
И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?
Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше.

Марина Пушкина
(г. Тула)

ТЫ

Ты — громкий шепот, тихий крик,
Добро и зло в одном флаконе,
Короткий век и долгий миг,
Ты — незнакомец, что знаком мне.
Ты черно-белый, но порой
Бываешь радугой на небе,
Красноречивый, но немой,
И гибнут чувств моих побеги.
То падать вверх, то вниз взлетать —
Все нереальное привычно.
Ты забираешь, чтоб отдать.
Ты сверхъестественно-обычный.

Наталья Рогова
(г. Тула)

Включите солнце! Я болею.
Мне холодно. И жутко мне.
Сквозняк ознобом по аллеям.

Агония свечи в окне.
Включите солнце! Замерзаю.
Таблеткой замерла луна.
И небо черный зуб вонзает
В обглоданный кусочек сна.
Включите солнце!.. Умираю.
Включите солнце в сотню ватт!..
Как в этой жизни мало рая,
И как уныло близок ад.

Юная поэзия всегда прекрасна!

Людмила Шмаракова
(г. Тула)

ПРО ЗВЕЗДОЧЕТА

В лоскутных городах, построенных детством, где узкая речка под мост горбатый течет, и бьют часы на ратуше по соседству, остался жить мой добрый друг — звездочет. Ходил он в высокой шляпе, лиловом фраке и жил на самой высокой башне страны, чинил часы и шкатулки, учил не плакать и точно знал, откуда берутся сны. От книг и чудес в его комнатке было тесно. Он знал по манускриптам язык зверей, он был смешной меланхолик, чудака, маэстро калейдоскопов и радужных пузырей.

А я-то вечно — песни, драконы, брашна, пещеры, конский топот и паруса... Взбегала запыхавшись к нему на башню, божилась, что уйду через полчаса. А он заваривал липовый цвет и тихо с улыбкой грустной расспрашивал ни о чем, и счастье было простым, как у Эвридики, когда б Орфей не глянул через плечо.

Любви у нас, по-моему, не случилось, в семь лет не много думаешь о любви. Но он учил, а я послушно училась секреты звезд выпрашивать для земли. И, досчитав до тысяча двадцать третьей, под теплым пледом в скрипучем кресле спала. В окно дышал веселый западный ветер, и ходики шептались по всем углам...

Он мог бы нынче слезы мои унять.

Но нет звездочета, башни.

И нет меня.

Сергей Одинок
(г. Тула)

ЗАДАЧКА

Студент 3-го курса факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого. В 2008 г. окончил с красным дипломом театральное отделение лицея № 3, класс педагога Ю. В. Лебедевой. Сейчас — артист Тульской областной филармонии, занят в спектаклях «Бармалей-2008», «12 месяцев», «Фантастические приключения Вовки», «Евросказка», «Светик-одноцветик и Солнечный Клоун», «Кошка в сапогах», «Царь Водокрут и волшебная сила» и др. Пишет стихотворения и рассказы, публиковался в газете «Школьная радуга» и в журнале «Рюкзачок знаний». Увлекается хореографией (занимался в образцовом ансамбле бального танца «Элегия», тренер К. В. Колякин), музыкой (гитара). Участник межклубных танцевально-спортивных соревнований, лауреат и дипломант городских, областных и Всероссийских («Российская студенческая весна», «Учитель русской словесности») театральных и молодежных конкурсов.

В одном провинциальном городке жил и работал молодой учитель математики Петр Ильич Фомкин. И вот задумал он выпустить в свет свой сборник задач. Книга была уже составлена, осталось только одно — отнести ее в редакцию. Но вот в какую, Петр Ильич еще точно не решил. Можно было бы отдать ее в учебную редакцию, в которой он когда-то печатал некоторые свои работы, но вдруг случайно услышал, что где-то в области живет замечательный редактор Владимир Вениаминович Жестяков, который за весьма небольшую цену может подготовить к печати и издать любую книгу. Поэтому к нему приезжали даже из далеких городов, чтобы выгодно опубликовать свои произведения. Услышав это, молодой математик призадумался. С легкостью посчитав в уме суммы денег, которые он потратит в одной и другой редакции, и увидев разницу, Петр Ильич решил, что сэкономленные средства на дороге не валяются, и твердо задумал идти к Жестякову. Мысль выгодно издать свой сборник крепко засела молодому математику в голову.

Редактор Владимир Вениаминович сам по себе был человек пожилой, очень образованный и начитанный. Своей работе он посвящал все свое время, каждый день просматривая кипы художественной литературы. Роста редактор был достаточно высокого, носил серый пиджак, плотно прилегающий к его полному телу, и маленькие очки. Огромную лысину на его голове окружали остатки пышной когда-то шевелюры.

Математик же, напротив, был молод, худ, среднего роста, с длинными волосами и большими глазами. Носил черный пиджак, который сужал его еще больше. Характером он был упорный, если не сказать упрямый, в своем сборнике был уверен на все сто процентов, а если за что и волновался, то только за грамотность, с которой не дружил с самого детства.

Петр Ильич также узнал об одной особенности характера Жестякова — о его особой строгости и нетерпимости к чужому мнению. Владимир Вениаминович на все

имел свой взгляд, и ему очень не нравилось, когда ему кто-то начинал возражать. Все свои силы он отдавал работе и перед тем, как что-то пропустить в печать, многократно штудировал принесенные ему материалы. Цепляясь даже к самым мелким недочетам, он твердо требовал их исправления. Иногда его замечания шли вразрез с замыслами авторов, но никакие объяснения и уговоры не могли повлиять на мнение Владимира Вениаминовича. Многим ничего не оставалось делать, как забирать свои произведения и идти в другие редакции, где их охотно принимали и печатали.

Но Петр Ильич издавал все-таки не художественное произведение, задачи у него были составлены правильно, по традиционной схеме... В общем, прекрасный сборник. Ну, а если запятую не там поставил — это уж извините, не наш профиль! Это вы уже сами исправляйте!

И вот, наконец, Петр Ильич пришел к Жестякову и показал ему свой сборник.

— Очень интересно! — воскликнул редактор. — Честно говоря, первый раз имею дело с такой своеобразной литературой. А то все в основном романы, детективы, повести... Ну, ничего, будем работать!

— Вы слишком строго не судите, — мягко сказал Петр Ильич. — Не волнуйтесь, сборник у меня хороший, только вот грамотность немного хромает. Вы уж, если что, помогите, исправьте!

— Исправим, молодой человек, исправим! — с улыбкой ответил Владимир Вениаминович. — Приходите через неделю.

И довольный и даже немного удивленный Петр Ильич поехал к себе домой. «Хороший мужик! — размышлял он дорогой. — Не понимаю, чего в нем нашли такого строгого? Я уж думал, что он совсем зверь, а ничего, даже улыбается! Ну все, напечатается скоро моя книжка!»

И через неделю с радостным настроением Петр Ильич приезжает в редакцию... и натывается на жесткий и злобный взгляд редактора!

— Это вы?! — грозно прогремел Жестяков.

— Да вроде я, — неуверенно пролепетал Петр Ильич, затем откашлялся и робко проговорил:

— Ну, как?

— Это... кошмар! — набирая силу в голосе и подбирая приличные слова, начал говорить редактор. — Я многое в жизни перечитал, но такого еще не видел! Это... издевательство!!!

— Но я же предупреждал, что не особо грамотный! — начал оправдываться Фомкин.

— Да какая, к черту, грамотность! — заорал Жестяков. — Я про тексты ваших задач! Никакой фантазии! Одни лишь голые факты! — Редактор раскрыл сборник. — Вы только послушайте, что вы пишете: «ЗАДАЧА 1. Из города и из села одновременно навстречу друг другу вышли два человека. Скорость первого 3 км/ч, скорость второго — 6 км/ч. вопрос: через сколько часов они встретятся, если расстояние между селом и городом 27 км?»

— Ну, — еще больше удивился Фомкин, — и что же тут неправильно?

— Как?! И вы не понимаете, что тут неправильно? — воскликнул редактор. — Да никакого развития мысли! Это же насколько надо быть глупым, чтобы так написать: «Из города и из села... два человека...» Тьфу!

— А чего же вам надо?

— Да как можно решать такую задачу, если не понимаешь мотивацию поступков героев?! Вот зачем они у вас пошли навстречу друг другу?

— Что значит зачем?! Это тип задач такой в математике! — заступаясь за науку, разгорячился Петр Ильич. — По этому образцу их можно составить огромное количество, изменяя только данные...

— Да кому нужны такие однообразные задачи?! — завопил Жестяков. — Где ваша индивидуальность? Ваш стиль? Ваш почерк? Я вас серьезно спрашиваю: зачем эти люди пошли навстречу друг другу?!

— Чтобы встретиться! — не находя лучшего объяснения, растерянно проговорил Петр Ильич.

— Для чего встретиться?

— Да не знаю я...

— А-а-а! Вы и сами не знаете! — зацепившись за эти слова, воскликнул редактор. — Вот когда узнаете, тогда и приходите!

— Да как я узнаю?

— А это уже ваши проблемы! — надменно ответил Жестяков. — Подключайте свою фантазию, а если ее нет — сходите к этим людям и спросите!

— Да, может быть, не было этих людей, они выдуманные! — с отчаянием прокричал Петр Ильич.

— Ну вот, раз у вас хватило сил их придумать — дофантазируйте, зачем они встретились!

Тут Петр Ильич начал объяснять, что все это — лишние данные и решению задачи они никак не помогают, а наоборот, отвлекают ученика от сути. Что суть задачи — в вопросе, а «зачем эти люди пошли навстречу друг другу» — неважно! В ответ на все доводы Петра Ильича Владимир Вениаминович ответил, что раз все неважно, то он такую «неважнецкую» литературу печатать не будет.

Вне себя от негодования Петр Ильич вышел из здания редакции и помчался к себе домой. «Вот зараза! — ругался он. — И прицепился же к такой мелочи! Ну, ничего, напишу я ему теперь задачку, будет знать!»

На следующий день Петр Ильич уже ехал обратно, и условие его задачи выглядело так:

«Из города и из села одновременно навстречу друг другу вышли два человека для того, чтобы встретиться и поговорить. Скорость первого 3 км/ч, скорость второго — 6 км/ч. ВОПРОС: через сколько часов они встретятся, чтобы поговорить, если расстояние между селом и городом 27 км?»

Увидев новое условие задачи, Владимир Вениаминович язвительно усмехнулся:

— Ну, и что же вы поменяли?

— Все сделал, как вы сказали, дорогой Владимир Вениаминович! — с ироническим почтением ответил Петр Ильич.

— Да вижу, подписали пару слов. А дальше что?

— А что дальше? — не понял математик.

— Это я у вас спрашиваю, что дальше? О чем они разговаривали?

— Да какая вам разница! — вспылil Петр Ильич. — Это совершенно неважно, а важно найти время!

— Боже мой! Какой у вас узкий подход, молодой человек! Ограничить такое событие всего лишь поиском времени! Ну, разве интересно ребенку будет искать решение этой задачи, когда он не знает, кто ее герои, какая у них душа, судьба, зачем они встретились и о чем разговаривали, в конце-то концов?!

— Может, вам еще и пейзаж описать? — с издевкой заметил Петр Ильич.

— А как же! — воскликнул редактор. — Вот с этого и надо было начинать. А пейзаж, кстати, иногда дает очень точную характеристику персонажу.

— Да к чему же такие мелочи? — недоумевал Петр Ильич.

— А вот именно на мелочах и выстраивается полный портрет героя...

— Послушайте! — перебил его Фомкин. — Я с огромным уважением отношусь к вам, к вашей работе, но поймите: это сборник задач по математике, а не учебник по красноречию! Здесь важно четкое и понятное условие: этот пошел сюда, этот — туда, они встретились, расстояние, время... все!

— Теперь послушайте вы! — все так же непробиваемо ответил Жестяков. — Какая бы там ни была математика, а условие задачи пишется русским языком! Так что извольте писать красиво, эффектно и интересно. А для детей это особенно важно. Ну, а если вы не способны переварить все то, что я вам сказал, давайте с вами разбираться.

Редактор предложил Петру Ильичу стул и сел рядом с ним:

— Вот, смотрите: у вас в задаче сказано: «...два человека...» Но кто они?

— Два мужика! — спонтанно предложил Петр Ильич.

— Вы думаете? — неуверенно заметил Владимир Вениаминович. — А почему тогда один шел со скоростью 3 км/ч, а другой — 6 км/ч?

— А первый останавливался часто, — сказал Фомкин.

— Но у вас в задаче про это ничего не сказано, — возразил редактор. — Может быть, это был старик, и он хромал...

— Конечно! — издеваясь, подхватил Петр Ильич. — А другой — девушка!

— Почему девушка? — удивился Жестяков.

— А зачем парню идти навстречу дедушке?

— А зачем девушке идти навстречу дедушке? — насторожился редактор.

— Как зачем? Чтобы выйти за него замуж, отравить, а затем завладеть его имуществом!

— Bravo, молодец! — похвалил Владимир Вениаминович. — Это вы здорово придумали! Так, теперь еще один факт: они вышли одновременно... То есть как?

— С точностью до секунды!

— Да-а?! — вновь удивился редактор.

— А что, неправдоподобно?

— Да это просто мистика! — воскликнул Владимир Вениаминович. — Вот, теперь идите домой и все это запишите!

«Бред какой-то!» — подумал про себя Петр Ильич и поехал домой.

Любой человек на месте Петра Ильича плюнул бы, развернулся и пошел в другую редакцию. Но наш герой был упрям и не мог просто так отступить от своей цели. К тому же мысль издать свой сборник по довольно низкой цене не давала ему покоя. Он вернулся домой и сразу же стал творить. Поначалу небогатое воображение и математическая точность мешали нашему герою как следует развернуть свою мысль. Но постепенно Фомкин вошел во вкус, и скоро волна вдохновения захлестнула математика.

После двух дней упорного труда, на третье утро, наш дорогой Петр Ильич отвез к Жестякову уже несколько листов с обширным условием задачи. Оно выглядело так:

«Был пасмурный и ненастный вечер. Солнце лишь слегка позолотило верхушки сосен и скрылось за тучами. Стало холодно. Вся природа как будто говорила о чем-то страшном и загадочном. И именно в этот момент из села в город вышла девушка. Что же дернуло ее пуститься в путь в такую погоду? А пес ее знает! Местные жители, пожимая плечами, предполагали: «Наверно, просто поговорить...» Но мало кто догадывался, что в этот же миг из города в село направился загадочный старик. Он хромал на левую ногу, поэтому шел со скоростью 3 км/ч, а девушка не хромала и шла даже немного вприпрыжку, поэтому ее скорость была 6 км/ч. Когда они встретились, было уже совсем темно и только черное небо было свидетелем их тайного свидания...

ВОПРОС: через сколько же часов они встретятся, чтобы поговорить, если расстояние между селом и городом 27 км?!»

Увидев такой вариант задачи, Владимир Вениаминович более благосклонно отнесся к нему, но раскритиковал Петра Ильича за недостаток точных деталей: нет описания времени года, когда происходило событие, нет четкого портрета героев, не указано, как выглядело место, где они встретились... Фомкин, стиснув зубы, продолжал исправлять.

Так незаметно прошло 2 года. Петр Ильич уже не мыслил своей жизни без написания этой задачи. Все деньги, которые можно было сэкономить в редакции у Владимира Вениаминовича, были уже давно потрачены на дорогу, но Фомкин не останавливался на пути к своей цели и ездил к Жестякову уже из принципа. Постепенно из его задачи получился небольшой рассказ, затем — объемная повесть, а потом она вылилась в 3-томный роман, где математик приводил полную родословную главной героини и героя, их жизнь от рождения до момента встречи и еще события 10-ти лет после их смерти. Редактор постепенно стал более тепло относиться к Петру Ильичу, видя, как из простого математика вырастает настоящий писатель.

Наконец, прочитав уже 5-томный роман-эпопею математика Фомкина, Владимир Вениаминович сказал:

— Ну, что же, вполне недурно. Вы растете на глазах, молодой человек! Поздравляю вас! — редактор похлопал Петра Ильича по плечу.— Наконец-то вы написали нормальную задачу!.. Но только одно мне непонятно: какого цвета была шляпка на голове у девушки и из какого дерева был сделан костыль у дедушки, когда они встретились? К тому же, дорогой друг, у вас действительно плохо с грамотностью: куда ни глянь — везде ошибка! Так что придется переписать все произведение с учетом всех моих рекомендаций и исправлений! А затем можете приступать к остальным задачам...

Тут терпению Петра Ильича пришел конец. Он взвыл, вырвал свои бумаги из рук редактора, раскидал их по всему кабинету, схватил свой сборник и выбежал вон. Через неделю задачи Петра Ильича вышли в другой редакции, а еще через месяц ему прислали огромный гонорар. Оказалось, что Жестяков, учтя его преданность и упорство в работе, проявил милосердие, сам исправил все ошибки и издал произведение. Роман «Таинственная встреча» пользовался бешеным успехом, прославил как автора, так и редактора. Так что математик и сборник издал, и роман написал, и вся его дальнейшая жизнь сложилась успешно.

Вот так, благодаря принципиальности, упорному труду и желанию сэкономить из обычного математика получился настоящий писатель!

Маргарита Ларина
(г. Алексин)

Публиковалась в поэтических сборниках «Поэтический калейдоскоп 2009», «Великая весна», в газете «По щучьему велению». Лауреат конкурса молодых поэтов (2009 г.), в поэтическом конкурсе 2010 года отмечена номинацией «Приз жюри». Член Алексинского литобъединения «АЛЛО».

СЕРОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Серая улица, серые стены
От серых дождей посеревший асфальт,
Серых театров невнятные сцены
И серых оркестров игра не попад.
Серые тучи на своде небесном
Молча накрыли венки этажей,
Вновь исчезают за серой завесой
Серые облики серых людей.
Серые мысли и серое время,
Серых созвездий влекут миражи,
Снова поэт зарифмует в твореньях
Серого города серую жизнь.

Я НЕ ПОЭТ

Я не пишу о счастье безграничном,
Мне радужные сказки не нужны,
Я не поэт в понятии привычном,
И не из тех, кто лирике верны.
Я не стремлюсь к всеобщему признанию,
Как говорится, всем не угодить,
Я лишь ищу простого пониманья,
И вьется слов извилистая нить.
И строчка к строчке снова на бумагу
Прольется рифм нехитрых полоса,
В них напишу про верность, про отвагу,
Про боль любви, про русские леса.
Не для того, чтоб мною восхищались,
Я вновь пишу столь пылкие стихи,

Все это мысли, что внутри смешались,
А к прозе почему-то все глухи.
Народ, пожалуй, лучше понимает,
Когда о жизни в рифму говорят,
Поэзию сквозь душу пропускает,
Внимая смыслу больше в сотни крат.
Мне проще выражаться в мире этом
В стихах, однако все же я прошу
Не называть пока меня поэтом —
Я не поэт, лишь изредка пишу.

СЧАСТЬЕ

Холодным вечером осенним,
Когда последний луч далек,
Вновь человек, забытый всеми,
Зажжет лампадки огонек.
Он молча сядет у камина,
Наденет старое пенсне,
Услышав тихий стон осины
В немой вечерней полутьме.
Его бессменный собеседник —
Паук, чуть дремлющий в углу —
Своей же сети вечный пленник
Глядит на серую золу.
Из кипы книг под слоем пыли
Достанет старенький роман,
Сюжета, что давно забыли,
Его захватит ураган.
Он может так сидеть в забвенье —
Читать все ночи напролет,
Пока объятий цепких тени
Луч солнца первый ни прервет.
Он к жизни лучшей не стремится,
Ему противна суета,
Надменные, скупые лица,
Холодных взглядов пустота.
В душе поэт, но не напишет
Сонетов робких, жарких од,
Ведь жизнь его — лишь одностишье
И вечный тонкий переплет.
И в этой бесконечной ленте
Немого старого кино
Он верит — счастье есть на свете,
Свое у каждого оно.

Олеся Янгол
(г. Тула)

Я ЗНАЮ ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Творческий псевдоним — Олеся Янгол. Родилась и проживает в городе Тула. Свободный художник. Пишет рассказы, стихи, сказки на русском и украинском языках. Летом 2010 года на Украине, в издательстве «Карпатьска вежа» вышло две книги «Мантриця 1» и «Мантриця 2», куда включены ее рассказы и рисунки, а так же оформлена обложка «Мантрицы 2». «Литература — это крылья, помогающие подняться над действительностью, окинуть эту действительность взором, и по возможности правдиво облечь в слова».

На нашем этаже умерла соседка. Поднималась к себе на восьмой этаж — не выдержало сердце.

Мама выносила мусор и заметила ее на ступенях перед квартирой. Моя мама чувствительна к чужой боли, а к этой женщине у нее было особое, теплое отношение. Вызвали «скорую», принялись разыскивать родственницу умершей. Жила она одиноко, однако младшая сестра часто заходила к ней.

Наконец, приехала «скорая». Практически не касаясь тела, слегка брезгливо наклонившись, врач констатировал смерть. Бригада не пробыла и двух минут. Они вызвали милицию и уехали.

Все это время мы старались не уходить домой. Как-то не хотелось оставлять ее одну, лежащую на нижних ступенях лестничной клетки.

За свою жизнь я уже успела привыкнуть к виду смерти. Не правда ли, страшное сочетание — привыкнуть к смерти? Однако это так. Не было ни мистического ужаса перед мертвым телом, ни брезгливости...

Я стояла у окна, на площадке мусоропровода, и мысли мои, невольно возвращались к этой теме. Теме смерти. Где сейчас ее душа? Покинула ли она уже бездыханное тело? И куда полетела? Может, она все еще здесь, наблюдает за нами, и как всегда улыбается, слегка грустной, беззащитной улыбкой. Эта женщина отличалась от остальных. Для соседей она была просто Люда. Хотя ей уже минуло шестьдесят лет.

Люда не любила сидеть у подъезда среди старух. Она любила просто ходить. Большая, в сером плаще, и аккуратном платочке, сцепив за спиной руки, она стремительно шагала куда-нибудь от дома. Часто я встречала ее уже довольно далеко, на трамвайной остановке или в дальнем сквере. Она всегда широко улыбалась, завидев меня, и громко здоровалась. Здоровалась и смеялась одновременно. Просто она любила людей. А люди, в основном, сторонились ее. Она же просто Люда — соседка с восьмого этажа — умственно отсталая женщина.

...Милиция не торопилась. Сестра ехала откуда-то издалека. В тишину лестничной клетки проникали звуки улицы. В мире ничего не изменилось. Не поднялся ве-

тер, не разразилась гроза. Детский смех по-прежнему звучал радостными, живыми нотками. Голоса столпившихся соседок у подъезда обсуждали свежую новость.

.....

... Где ее душа?

Куда улетают наши души после смерти?..

В этот момент с карнизов нижних этажей вспорхнула стая голубей. Они, словно озарением ворвались в мое сознание. Они подсказали мне...

Голуби проделали несколько кругов под окном. Медленно и неторопливо, словно в замедленной съемке кружили они. Потом круг рассыпался веером, и стая плавно улетела к деревьям, росшим напротив дома.

«Ее душа в одном из этих голубей» — подумалось мне.

.....

Прошло больше месяца с тех пор. Однажды я сидела в сквере, что-то разыскивая в своем телефоне... Или делая вид, что разыскиваю что-то?.. Ведь надо быть чем-то занятой, чтобы кто-нибудь что-нибудь не подумал, мол, что это она сидит просто так, одна.

...Вдруг, ко мне подлетела стая голубей. Стопилась у ног, и самые смелые принялись дергать за джинсы. Другие сели рядом на лавочку. Они с интересом смотрели на меня своими разумными глазами. Если бы птицы были чуть посмелее, наверное, уселись бы и на голову и на плечи.

Мне нечего им было дать. Видимо они ожидали хлебных крошек или семечек. Так они и сидели со мной, что-то рассказывая на своем птичьем языке. О чем?..

О душах наших?.. О том, что они, души наши, не пропадают бесследно, а переселяются в птиц, в бабочек, в пчел, во все живое... О том, что жизнь продолжается. Жизнь наша бессмертна. Ведь само слово «жизнь» уже отрицает всякую смерть... Жизнь!

Прохожие косились на меня и кидали жалостливые взгляды. Видимо это грустное зрелище — одинокая человеческая фигура, сидящая среди стаи голубей.

Но нам было все равно, что думают люди. Мы общались на особом, на птичьем языке. Голуби научили меня ему. И этот язык намного богаче нашего, человеческого. Я вдруг вспомнила, что голуби часто встречались в моей жизни. Встречались особенно. Ведь не особенно — это когда мы видим их каждый день, воркующих и снующих по своим делам. Но были особенные встречи. Странные знаки, посылаемые с неба.

Мне было лет десять. Однажды я гуляла у подъезда, и вдруг прямо перед моим носом с тяжелым хлопком рухнул на асфальт голубь. Каким-то чудом он не упал мне на голову. Для меня это была трагедия. Я долго еще рассказывала друзьям о случившемся, о том, как больно видеть чужую смерть.

Вряд ли они понимали меня...

Много лет спустя, уже будучи взрослой, мне вновь довелось повстречаться с голубем. Стояла изматывающая жара. Дождя не было, и засуха высушила траву и листву на деревьях. Однажды вечером я поливала цветы на балконе. И снова, практически коснувшись моего лба, в ящик из-под цветов упал голубь. Он был жив еще, и безвольно раскрывал клюв, страдая от жажды. Я напоила его с ладони.

Испуганные и отчаявшиеся глаза его обреченно смотрели на меня. Он боялся человека, но у него не было выбора. Бессилие не давало взлететь.

Я устроила его на лавочке в коробке, и голубь вскоре уснул. Он прожил у меня несколько дней. По утрам я поила его водой, давала хлебные крошки. Возвращаясь с работы, спешила на балкон. Он волен был улететь, когда пожелает. Но всякий раз я встречала его на прежнем месте.

Птица, окрепнув, уже спокойно чистила крылья, без боязни брала из моих рук семечки.

Тут же, на соседней лавочке, стояла клетка со щеглом. В такую жару я не уносила его домой. Так они и соседствовали — голубь и щегол.

Но однажды я услышала шум и птичий клекот. Поспешив на балкон, я увидела, как окрепший голубь яростно налетал на клетку со щеглом, стараясь достать его когтями. Клетка, конечно, спасала, но мне не хотелось видеть, как обижают мою птицу. Я взяла голубя на руки, успокоила его, и, подбросив вверх, выпустила с балкона. Он сделал несколько неуклюжих кругов, крылья были еще слабы, и опустился на карниз нижнего балкона. Голубь был явно напуган. Он распластал крылья, и тяжело дышал.

Я смотрела на него сверху, мысленно ругая себя. Зачем я поступила так? Ведь он мог разбиться.

Голубь долго еще сидел, не решаясь взлететь. И уже к вечеру, я увидела, как он, набравшись храбрости, перелетел на березу. А оттуда, уже довольно уверенно, направился по своим делам.

* * *

Птичий язык... Его сможет понять каждый. Стоит только остановиться в суете своей, оставить «важные» дела на время и присесть на лавочку в тихом сквере. Они подлетят к вам.

Прислушайтесь...

Слышите?..

Я слышу.

